
КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ракитов А. И.*

Ядра высокоразвитых национальных культур обладают высокой устойчивостью в отличие от их защитного пояса, который легче подвергается аккультурации и внешним воздействиям. В наши дни и в зримой перспективе быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) стремительно усиливает аккультурацию и гомогенизацию «слабых» культур под влиянием «сильных». Учитывая нарастающее проникновение ИКТ в образование, науку и другие сферы духовно-культурной деятельности, можно прогнозировать, что в течение ближайших 4–5 десятилетий произойдут существенные изменения различных национальных культур и выравнивание цивилизационных норм и стандартов социально значимой деятельности.

Ключевые слова: ядро культуры, защитный пояс культуры, усиление роли ИКТ, гомогенизация цивилизационных уровней, аккультурация культур.

The nuclei of highly developed national cultures have high stability unlike their protective belt, which is more easily subjected to acculturation and external influences. Nowadays and in the foreseeable future extremely rapid development of ICT increases acculturation and homogeneity of 'weak' cultures under the influence of 'strong' ones. Taking into consideration the increasing penetration of ICT into education, science and other spheres of spiritual and cultural activity, one can predict that in the coming 4–5 decades there will happen important changes in different national cultures and equalization of norms of civilization and standards of socially important activity.

Keywords: nuclear of culture, defense belt of culture, increasing role of ICT, homogeneity of levels of civilization, cultural acculturation.

После Второй мировой войны, в частности, с конца 50-х и первой половины 60-х гг. прошлого века, темпы технологического и общеэкономического развития, особенно в высокоразвитых и быстроразвивающихся странах, стали нарастать с такой скоростью и оказывать столь сильное влияние на все стороны общественной жизни, что прежние концепции общественного развития и претендовавшие на фундаментальность схемы организации и функционирования общества оказались неадекватными по отношению к реальному положению дел.

Поэтому во второй половине XX столетия появилось сразу несколько концепций, пытавшихся адекватно отобразить сущность происходящих изменений

* Ракитов Анатолий Ильич – д. ф. н, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, г. Москва. E-mail: rakit1@yandex.ru.

и дать рациональное представление о перспективах дальнейших глобальных трансформаций. К их числу в первую очередь относятся: теория информационного общества (Т. Умсао, Ф. Махлуп), теория постиндустриального общества (Д. Белл), теория супериндустриального общества (Э. Тоффлер), теория общества знаний (П. Друкер) и др.

Останавливаться сколько-нибудь подробно на содержании, сходстве и различиях этих концепций я считаю излишним, так как они многократно подвергались изложению, обсуждению и критическому анализу. Подчеркну лишь то, что все они, хоть и под разными углами зрения, фиксировали одну и ту же объективную социальную реальность: старый классический промышленный капитализм, главной производительной силой которого, согласно К. Марксу, был рабочий класс, ушел в прошлое, а значительная часть трудозанятого населения оказалась вовлеченной в сферу услуг, управления, образования, здравоохранения и другие области социально значимой деятельности.

Еще в 1992 г., находясь в самолете, летевшем по маршруту Сан-Франциско – Нью-Йорк, я прочитал в газете «USA Today» небольшую заметку, в которой как нечто само собой разумеющееся сообщалось о том, что 80 % трудозанятых американцев работают в различных сферах услуг и системах управления. Так что упомянутые выше теории констатировали не какую-то отдаленную перспективу, а реально совершившийся социально значимый факт.

Теперь, спустя четверть века, можно с уверенностью констатировать, что в стремительную экономическую и технологическую гонку и в процесс глубинных социальных трансформаций вступили почти все страны мира, за исключением небольшой группы государств, сильно отстающих в своем развитии. В связи с этим возникают вполне разумные вопросы: каковы перспективы развития человечества в региональном и глобальном масштабе? Какие культурные и цивилизационные изменения ждут нас в обозримом и более отдаленном будущем?

Термины «культура» и «цивилизация» крайне многозначны [Степин 2011] и употребляются разными исследователями не только в весьма несходных, но зачастую даже в противоположных смыслах, поэтому я считаю необходимым уточнить, в каком смысле и с каким значением будут применяться эти понятия в данной статье.

Мне придется начать с некоторых достаточно хорошо известных и широко распространенных положений. Первое из них в самом общем виде подразумевает, что человек начинает принципиально отличаться от всех других живых существ с того момента, когда он изобретает, начинает изготавливать орудия труда, простейшие из них – каменные зубила, палка-копалка и т. д. – применяются для того, чтобы полнее и эффективнее пользоваться тем, что есть в природе, что существует само по себе и не создано человеком.

Следующая стадия – это использование орудия труда для того, чтобы трансформировать вещество природы, сделать его применение более эффективным. И наконец, использование орудия труда, чтобы создавать то, что не существует в природе само по себе: это является, так сказать, эксклюзивным результатом деятельности человека. При этом следует подчеркнуть, что трудовая деятельность как таковая есть деятельность общественная, осуществляемая, как правило, в обществе, в его отдельных системах или подсистемах.

И хотя мы знаем огромное количество примеров индивидуальной трудовой деятельности, увлекаться «робинзоной» не следует, так как любой «Робинзон» не только в современной, но и в уже давно минувших общественных системах может осуществлять свою трудовую деятельность лишь на основе использования средств производства, созданных трудом тех или иных сообществ, групп, коллективов или индивидуальных производителей, опирающихся на предшествующий коллективный производственный опыт в диахронном и синхронном разрезе.

Здесь мы как раз подходим к возможности обнаружить, что трудовая и любая базирующаяся на ней общественно значимая деятельность включает в себя два взаимосвязанных момента. Первый из них заключается в том, что такая деятельность содержит в себе некие специфические черты, отличающие ее от других видов аналогичной активности, осуществляемой иными коллективами в иных обстоятельствах. Второй состоит в наличии некоторых черт, свойств и деталей, общих для этого вида деятельности, выполняемого данным коллективом с более или менее сходными видами поведения, реализуемыми аналогичными коллективами. Оба рассматриваемых момента являются конкретными проявлениями пары известных диалектических категорий – общего и особенного.

Говоря о наличии этих двух моментов, нужно подчеркнуть, что они имеют смысл лишь во взаимодействии, взаимосвязи и одновременно в некотором противостоянии, которое может на протяжении длительного времени не проявляться в явной форме. Здесь нужно подчеркнуть, что хотя практически все формы общественной жизни в конечном счете так или иначе определяются формой и содержанием общественно полезной деятельности, прежде всего трудовой, простая редукция бесконечно многообразных форм реализации общественной жизни к трудовой деятельности была бы грубой ошибкой, тем не менее нужно учесть, что в каждом сколько-нибудь значительном социуме разнообразные виды, формы и способы жизнедеятельности обладают своей спецификой, образуют некоторую целостность, систему стандартов и норм поведения, набор значимых в пределах каждой группы ценностей, некие комплексы устоявшихся правил общения и т. д.

Всю совокупность этих специфических проявлений жизнедеятельности, характерных именно для данной социальной общности, я называю культурой. В действительности в рамках одной, скажем, национальной культуры на определенном историческом этапе развития существуют некоторые множества субкультур: культура застольной беседы, культура проведения досуга, культура поведения на работе, культура ритуальной деятельности, культура интимного общения, культура семейного поведения, повседневного быта, культура строительства зданий, культура приготовления пищи и т. д. Существует особая форма интеллектуальной культуры, например, в живописи, литературе, системе развлечений, в культуре различных видов творчества и т. д. Наиболее крупным блоком, объединяющим все «частные» культуры, является национальная культура, например, китайская, русская, американская и т. д.

Теперь остановимся на втором из упоминавшихся выше положений, которое хорошо охватывается философской категорией «общее». Это общее довольно четко просматривается, особенно в крупных современных социальных образованиях. Его можно обнаружить и на уровне технологической организации, промышленных предприятий, и на уровне общеэкономических и политических институтов, реализующих важнейшие социально-экономические и политические

функции. Достаточно просто указать, например, на то, что основные операции и процедуры, осуществляемые целиком автоматизированными сборочными линиями на крупных промышленных предприятиях в разных странах, совершенно идентичны.

Точно так же такие политические и правовые институты, как парламенты во Франции, России, Англии, США, Австралии и других демократических странах, несмотря на некоторую специфику и своеобразие исторических традиций, по своим политическим и правовым функциям в общем и целом идентичны. Наконец, стоит упомянуть, что в функциональном отношении идентичны по существу выполняемой деятельности банковские и биржевые системы развитых и развивающихся стран.

Совокупность схожих, во многом полностью идентичных норм, стандартов и механизмов функционирования различных групповых структур, особенно в больших социальных совокупностях, я рассматриваю как цивилизацию. Данная категория существенна для понимания того, что отличающиеся в культурном отношении социальные группы и сообщества могут находиться на одной и той же цивилизационной ступени, относиться к одному и тому же социальному кластеру. Так, несмотря на несходные (часто весьма значительные) культурные различия, такие страны, как Россия, Япония, США, Нидерланды, Германия, Финляндия и др., находятся на одной цивилизационной стадии, являются цивилизованными государствами в современном смысле этого слова.

Теперь важно обратить внимание на то, что между различными цивилизациями и культурами существуют, реализуются и видоизменяются разнообразные отношения, возникают и исчезают несходные, часто амбивалентные процессы, приводящие к модификациям культур и цивилизаций, а иногда и к их полному исчезновению. Последний процесс часто происходит в результате исторически обусловленных социально-экономических и прямых военных столкновений. Одним из таких процессов является аккультурация, которая особенно заметна в современных условиях.

Аккультурация представляет собой довольно сложный процесс проникновения одних культур, культурных ценностей, эстетических, моральных, бытовых норм и видов деятельности в другие культуры. При этом определенные, более развитые и, так сказать, более «сильные» культуры могут довольно значительно трансформировать и видоизменять культуры, в каких-то определенных отношениях более «слабые».

Примером такой аккультурации может служить проникновение эстетических, мифологических и художественно-литературных стандартов, характерных для античной Греции, в систему древнеримской культуры. Для подтверждения сказанного сошлюсь хотя бы на то, что пантеон римских богов был в значительной степени «цельнотянутым» подобием аттических олимпийцев.

Существуют, однако, и достаточно сильные консервативные культуры, которые на протяжении многих столетий и даже тысячелетий обладают высоким культурным иммунитетом, противодействующим аккультурации и проникновению в недра данной культуры стандартов, ценностей, норм, мифов, предрассудков и правил бытовой и социальной деятельности иных культур. Иллюстрациями

таких малопроницаемых культурных систем могут служить культуры Древнего и средневекового Китая, Древнего Египта или государств Древнего Двуречья.

Однако в наши дни, в эпоху грандиозного и стремительного всеохватывающего развития и распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), процессы аккультурации приобретают особый размах. При этом в глобальном масштабе они имеют определенно одностороннюю направленность.

США, будучи экономической сверхдержавой, одновременно являются и мощным генератором культурных продуктов, стандартов ценностных ориентаций, норм и правил культурной деятельности. Такие культурно-генеративные площадки, как Голливуд, корпорации Amazon, Google и Facebook, осуществляют информационную деятельность, включая распространение продуктов культуры и культурных услуг во всех странах мира.

При этом важно подчеркнуть, что американизация культур многих, особенно малоразвитых, стран вовсе не носит дегенерирующего разрушительного характера. Просто в развитии мировой культуры наступил этап, когда культурное функционирование даже таких крупных социальных сообществ, как нация, и таких институтов, как государство, начинает развиваться в направлении выравнивания и унификации культурных и цивилизационных стандартов, норм, правил и ценностей. Это, однако, нисколько не умаляет значимости локальных, региональных и общенациональных культур, довольно прочно сохраняющих свои специфические национальные черты, стандарты, нормы и ценности.

В связи со сказанным важно понять, что культурный и цивилизационный иммунитет сохраняет целостность и самоидентичность больших социальных систем, таких, например, как государство, не делая их абсолютно гомогенными. Современные большие социальные системы насыщены сложными быстро меняющимися процессами и отношениями между различными социальными подсистемами. Это объясняется тем, что современные, особенно высокоразвитые и быстроразвивающиеся, общества являются полиэлитарными.

Классики элитологии В. Парето и Ч. Миллс определяли элиты как особые социальные группы или слои, члены которых имеют максимальный вес в сфере своей деятельности, обладают внушительным богатством, располагают значительными связями и используют их для реализации своего влияния на протекание различных социально значимых процессов, на функционирование разнообразных общественных подсистем.

В таких великих устойчивых культурах и цивилизациях древности, как Древний Египет, существовало моноэлитарное общество, элита состояла из приближенных фараона и высших храмовых жрецов, крупных военачальников. Стабильность этого общества, почти не подвергавшегося сколько-нибудь заметным социально-экономическим изменениям на протяжении многих столетий, гарантировала стабильность элит, отсутствие какого-либо противодействия им со стороны народных низов, обеспечивала монотонную преемственность власти.

В современных обществах одновременно сосуществуют некоторые множества элит. Достаточно внимательно присмотреться к любой современной сложной государственной системе, чтобы увидеть в корпусе охватываемых ею социальных отношений целый ряд элит. К ним, например, относятся: финансовые, политические, военные элиты, элитные работники организаций науки и образо-

вания, элитные представители в сфере промышленности, информационных технологий и т. д.

Предлагаемая мною концепция полиэлитарности современного общества достаточно полно соответствует экономической, политической и культурной реальности и в значительной мере позволяет объяснить происходящие в ней изменения и механизмы социальной адаптации к этим изменениям.

Между элитами в современных обществах, являющихся лидерами научно-технического развития, существуют как совпадения, так и конфликты интересов. Политические элиты, формирующие систему законодательной и политической власти каждого государства, заинтересованы в увеличении финансовых поступлений в государственный бюджет, в том числе за счет повышения налогообложения хозяйствующих субъектов и иных получателей доходов.

В то же время элиты, формирующиеся в коммерческом секторе, развивающем, насыщающем и эксплуатирующем рыночные отношения, заинтересованы в снижении налогового бремени и других форм централизованного и регионального изъятия дополнительных средств из их доходов. И здесь противостоящим друг другу элитарным группам приходится искать разумный сбалансированный компромисс, так как, к примеру, избыточное увеличение налогового бремени может привести к снижению темпов экономического развития данного государства и тем самым нанести ущерб, в том числе и господствующим политическим элитам.

Полиэлитарная модель современных развитых и быстроразвивающихся стран демонстрирует возможности для создания условий, благоприятствующих современным глобальным трансформациям, однако они вовсе не всегда решают стоящие перед человечеством проблемы. Эти проблемы связаны с действием двух мощных факторов: 1) быстрый и постоянно ускоряющийся рост населения планеты; 2) непрерывно нарастающее научно-техническое развитие общества.

В 1900 г. население Земли составляло 1,5 млрд человек, в 2000 г. оно учетверилось и было равно 6 млрд, в 2011 г. оно составляло 7 млрд, а по существующим прогнозам в 2083 г. будет равняться 10 млрд [Уотсон 2014: 36]. При этом увеличение численности населения сопровождается и увеличением неблагополучия значительной части жителей Земли. Около 800 млн человек по всему миру продолжают жить в условиях крайней нищеты и страдать от голода. Более 160 млн детей в возрасте до пяти лет имеют недостаточный для своего возраста рост по причине недоедания. 57 млн детей младшего школьного возраста не имеют возможности посещать школу. В настоящее время каждый девятый ребенок в мире живет в зоне вооруженного конфликта [Иларион... 2017]. Из этого следует, что достижение культурных элит и стандарта благополучной цивилизованной жизни, реализуемое в развитых странах, недоступно определенной части современного человечества. Высокие идеалы свободы самосовершенствования личности и творчества, провозглашавшиеся множеством утопистов и прожектеров различного рода, неосуществимы в современных условиях и, увы, в обозримом будущем. Очевидно, что человечеству необходимо нащупать и осуществить механизмы регулирования и сдерживания роста населения. При этом речь не может идти ни о каких принудительных мерах, предлагавшихся некоторыми неомальтузианцами.

«Обрыв» кривой стремительного роста народонаселения возможен лишь на основе повышения общекультурного и особенно образовательного уровня его

неэлитарных слоев. С учетом изложенного на первый план выдвигаются механизмы современного (в том числе и дистанционного) образования, делающие его дешевым, качественным и доступным практически для всех. Здесь с полной отчетливостью должна проявиться роль науки, лежащей в основе наиболее современных форм и методов массового образования, адекватного проблемам нашего времени.

Другим мощным фактором, способным в известной степени уменьшить и нивелировать противоречия и контрасты современных глобальных трансформаций, является научно-техническое развитие. Его в первую очередь связывают (и это совершенно справедливо) с возникновением, стремительным распространением и глубоким внедрением во все сферы общественной жизни новейших электронных информационно-коммуникационных технологий.

ИКТ, выполняющие функцию передачи и хранения знаний и информации, существовали и развивались в человеческом обществе с момента его возникновения. Носителями и инструментами передачи информации и знаний на протяжении сотен тысяч лет были сами люди – члены семьи, общины, племени. Многие столетия носителями и распространителями информации во внутрисоциальной и межгосударственной жизни были купцы, мореплаватели и путешественники.

Однако настоящая, глубокая и широкая технологизация хранения и передачи знаний и информации началась лишь в Новое время с развитием индустриального общества. Старые инструменты и приспособления для передачи и хранения информации были либо недолговечны, либо громоздки, либо имели ограниченный радиус действия. Радикальный перелом в процессе распространения и хранения информации наступил после изобретения в XV в. книгопечатания.

В конце XVIII – первой половине XIX в. предпринимались многочисленные попытки создания технологизированных систем связи, однако все они были малоэффективны и весьма ненадежны в эксплуатации. Первые же действительно надежные системы передачи информации и знаний были созданы во второй половине и особенно в конце XIX в., когда были изобретены электрический телеграф и телефон, позволявшие быстро и достаточно надежно устанавливать связи и передавать более или менее значительные порции информации знаний не только в масштабах больших городов и целых стран, но даже в международных масштабах; это был, по существу, первый этап формирования подступов к современным ИКТ.

Второй этап охватывает начало и первую половину XX в., когда к телеграфной и телефонной связи добавились радио и телевидение, обеспечившие передачу речи, музыки и визуальных изображений.

Началом третьего этапа надо считать изобретение современных ЭВМ, персональных компьютеров (ПК) и создание сетей, устанавливающих связь между компьютерами, разнесенными на более или менее значительное расстояние. В середине второй половины XX в. возникает глобальная сеть передачи, накопления, хранения и обработки информации с помощью компьютеров. В наши дни эта сеть охватывает все страны мира. Ее стандартное название «Интернет» совсем недавно было известно каждому взрослому человеку, в настоящее же время этой сетью пользуются и дети начиная с дошкольного возраста. Благодаря Интернету и другим упоминавшимся выше системам в наши дни возникло то, что М. Кастельс назвал «сетевым обществом» [Кастельс 2000].

Сегодня практически любая информация, не составляющая государственной, корпоративной, коммерческой, научной или личной тайны, может оказаться в распоряжении каждого, кто имеет доступ к компьютеру или средству мобильной связи в любой части мира и в любое время суток. Все это делает современное общество крайне динамичным. Стремительная пролиферация информации и знаний самого разнообразного вида и содержания радикально повышает культурный уровень всех слоев населения. Вместе с тем общая эйфория по поводу доступности информации и знаний не имеет серьезных оснований, так как в сетевом обществе продолжает существовать и даже усиливается жесткая социальная стратификация, в конечном счете определяемая имущественным положением каждого индивида и наличием возможности получать высокую качественную профессиональную подготовку в элитных учебных заведениях среднего и высшего уровня, необходимую для выполнения тех или иных элитных видов деятельности, предполагающих высокую оплату труда и престижное положение в обществе.

В настоящее время все более отчетливо прорисовываются черты нового, четвертого этапа информатизации общества и внедрения ИКТ во все сферы экономики, общественной жизни, культуры и общественного сознания в целом. Этот этап было бы правильно назвать этапом торжества искусственного интеллекта, автоматизации, роботизации всех сторон общественной жизни. Собственно говоря, предчувствия наступления эпохи роботов и автоматов относятся еще к первой четверти XX в. Сначала они проявились в художественной литературе в сочинениях жанра научной фантастики. Примером такого рода произведения может служить роман Г. Майринка «Голем», на основе которого недавно был написан сценарий и поставлен одноименный кинофильм.

Что касается серьезных научных социально-философских и социально-экономических публикаций, то в значительной своей части они варьируются в довольно широком диапазоне оценок социокультурных и цивилизационных (как позитивных, так и негативных) последствий этого этапа развития ИКТ. К числу позитивных последствий автоматизации и роботизации относят, как правило, освобождение человека от тяжелого физического труда и монотонного нетворческого труда большинства офисных работников.

Вместе с тем в научной и околонуучной литературе по проблемам роботизации и автоматизации сильны и алармистские мотивы. К их числу относятся, во-первых, опасения, что огромное число работающих в промышленности, торговле, строительстве, системе ремонтных предприятий окажутся безработными, так как все их рабочие функции смогут с успехом выполнять роботы, не знающие усталости, не требующие пищи и выходных дней, не ведающие болезней и не предъявляющие никаких требований к владельцам и менеджерам соответствующих организаций и предприятий. Во-вторых, по мнению многих авторов, наиболее опасным следствием автоматизации и роботизации человеческих функций может стать создание таких форм искусственного интеллекта, как УЧИ (универсальный человекоподобный интеллект) и ИСИ (искусственный суперинтеллект) [Ракитов 2016], которые, возможно, создадут сильную конкуренцию не столько синим воротничкам, сколько белым – интеллектуальным, культурным, менеджериальным и политическим элитам общества. Стараясь приуменьшить опасности подобного рода, некоторые исследователи утверждают: автоматизация и роботизация в сфере офисного труда и интеллектуальной деятельности в целом не так уж и велика.

Освобожденные от тяжелой офисной деятельности работники умственного труда смогут больше времени и сил уделять свободному творчеству, потреблению и продуцированию культурных ценностей, но слабость подобных аргументов обнаруживается сразу, лишь только мы начинаем понимать, что далеко не все люди способны к творчеству, к продуцированию культурных норм, форм и ценностей. Для того чтобы чувствовать себя полноценным членом общества, каждому нормальному здоровому человеку нужно иметь свой участок, свою порцию общественно полезной деятельности. В этой связи заслуживает внимания позиция Кевина Келли, в своем популярном исследовании «Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее» выдвигающего и обосновывающего тезис, согласно которому роботизация и автоматизация основных видов производственной и офисной деятельности приведет к возникновению целого ряда новых профессий, возможно, неожиданных форм общественной и культурной деятельности.

Сейчас трудно адекватно оценить все последствия четвертого этапа развития ИКТ, но несомненно, что правильная оценка всего спектра позитивных и негативных последствий роботизации и автоматизации дает повод для расширения диапазона социально-философских, культурологических и прогностических исследований.

Наконец, я считаю важным обратить внимание читателей на сложную структуру каждой (особенно современной) культуры.

Всякая развитая культура состоит по крайней мере из двух образующих подсистем – ядра культуры и защитного пояса. В ядро культуры входят те специфические для данного народа и данной нации процессы, события и явления, которые отличают данную культуру от других. К числу наиболее значимых градиентов ядра культуры относятся: язык, фундаментальные эстетические и этические ценности, монументальные сооружения и памятники, основные правила и нормы поведения в обществе, устойчивые стандарты семейного и бытового поведения, типичные (если эта типичность есть) формы изобразительного искусства, музыкального творчества и т. п. Ядро культуры данного социума обычно сохраняет самоидентичность на протяжении многих столетий, а иногда и тысячелетий.

Защитный пояс культуры часто подвергается достаточно значительной модернизации на протяжении не столь уж продолжительных интервалов исторического времени. При этом данный пояс в какой-то мере препятствует проникновению инородных норм и стандартов в ядро своей культуры, тормозит его. В этом проявляется его защитная функция. Для пояснения сошлюсь на виды и формы одежды: так, например, российское дворянство в послепетровской России одевалось в соответствии с западноевропейскими, в основном французскими, модами. Однако одежда подавляющего большинства сельского населения и в значительной части городского мещанства серьезным изменениям либо не подвергалась, либо эти изменения происходили достаточно медленно.

Нуклеарная модель культуры позволяет понять, что пролиферация инокультурных явлений и процессов обычно тормозится в защитном поясе, подвергая его более или менее существенной модернизации. Однако устойчивость и самоидентичность ядра культуры сами по себе довольно условны и зависят от общей стабильности или дестабилизации в экономическом базисе и культурно-цивилизационной надстройке общества.

О. Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» (1918 г.) утверждал, что культура и цивилизация не только отличны, но по самой природе своей противоположны. Культура реализует в себе историческую судьбу, душу народа, его историческое становление. Когда культура исчерпывает свой духовный потенциал и все заложенные в ней потенции оказываются реализованными и самоисчерпанными, культура превращается в цивилизацию. И народ, на протяжении многих веков бывший носителем этой культуры, постепенно исчезает с авансцены истории. Шпенглер считал, что Европа первой половины XX в. находится на грани заката, на грани культурного коллапса. Я не считаю уместным обсуждать в этой статье культурно-историческую концепцию Шпенглера, но крайне важно отметить, что такой «закат» многих европейских, да и не только европейских, культур, возможно, произойдет к концу XXI в. благодаря стремительному прорыву ИКТ, автоматизации и робототехники во все сферы экономической, общественно-политической и культурно-цивилизационной деятельности, по крайней мере в наиболее развитых современных обществах.

В отличие от О. Шпенглера, искавшего в великих культурно-цивилизационных революциях прошлого некоторые аналоги изменениям, происходившим в Европе в начале XX в., я полагаю, что глобальные цивилизационно-культурные трансформации, ждущие человечество в интервале от середины до конца XXI в., не имеют сколько-нибудь полных аналогов в прошлом. Для подтверждения этой мысли я сошлюсь хотя бы на принципиально новые возможности, которые открываются перед человечеством благодаря постепенному, но довольно быстрому распространению онлайн-образования всех уровней.

Онлайн-образование дошкольников и младших школьников очень скоро сделает все население Земли, включая подрастающее поколение, грамотным, умеющим читать, писать, считать и составлять деловые документы. Если учесть также, что онлайн-преподавание уже практикуется высшими учебными заведениями многих стран, то доступность, в том числе лучших университетских курсов, станет всеобщей по крайней мере к середине 40-х гг. нашего века. По официальным данным, в Москве, столице Российской Федерации, уже сейчас 45 % населения имеют высшее образование. Достаточно представить себе, что такие мощные экономические державы, как США, Россия, страны Евросоюза, Япония и Китай, будут иметь население, половина которого получит современное высшее образование, чтобы понять неизбежность и, если угодно, необходимость изменения многих культурных норм, стандартов и ценностей. Одновременно с этим должны начаться изменения и в цивилизационных стандартах, что приведет к нивелировке, выравниванию некоторых социально-политических трендов, возможности свободного бесконтрольного пересечения границ большинства государств, преодолению защитных поясов различных культур, радикальному изменению миграционного законодательства, выравниванию и стандартизации правовых и политических норм и стандартов деятельности в самых разных странах.

ИКТ-революция стимулирует крупные радикальные качественные изменения в других технологиях, в экономическом базисе общества в целом, а следовательно, и в образе жизни населения различных стран, которые эта революция будет охватывать все шире и шире. На наших глазах возникают принципиально новая цифровая экономика, цифровое государство, оцифрованное общество. Поэтому

сейчас трудно прогнозировать, когда и какие именно качественные культурно-цивилизационные изменения произойдут в процессе глобальных трансформаций. Но с высокой степенью вероятности можно считать, что во второй половине XXI в. они станут реальностью.

Литература

Иларион, митрополит Волоколамский (Алфеев Г. В.). Православный взгляд на современные проблемы человечества в XXI веке // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 12–14.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

Ракитов А. И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7–19.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

Уотсон Р. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать. М. : Фантом Пресс, 2014.